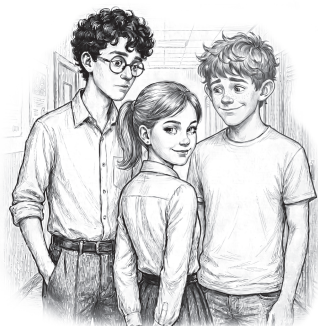

Часть первая

ВНЕДРЕНИЕ

Глава 1

Возрастные изменения

Каждое лето приносило в жизнь Ромки Пантелеева, которого все звали не иначе как Пантелей, и его ближайшего друга Лёхи — Лёши Скворцова — что-то новое. И чем старше они становились, тем больше этого нового случалось. Они даже сами не замечали, как менялись с каждым следующим годом. Ведь кое-что не менялось никоим образом. Это кое-что состояло из двух постоянных величин.

Первой была их тесная дружба с первого класса, прошедшая уже немало испытаний и проверенная всякими обыкновенными и невероятными приключениями. Второй величиной была их общая неиз-

менная влюбленность в первую красавицу класса, умницу и отличницу Люду Пёрышкину. Тут, правда, были нюансы. То Пантелей выходил на первый план, а Лёха скромно тусовался где-то сзади, то, наоборот, Пантелей, в очередной раз увлекшись чем-то, не то чтобы забывал про Пёрышкину, но уже не был так сосредоточен на ней, и тогда Лёха безусловно лидировал в этих взаимоотношениях. Что же касается Люды Пёрышкиной, то надо отдать ей должное, она умело лавировала между ними, не отдавая предпочтения ни одному ни другому.

Прошедшим летом в жизни Пантелея произошло немало событий. Под влиянием своего папы, известного ученого, доктора технических наук, он неожиданно для себя заболел совсем новой, ранее не известной ему болезнью — *изобретательством*. Можно сказать, что авантюрный и неспокойный характер Пантелея наконец-то нашел для себя выход. Он стал постоянно что-то изобретать. То это был **СОЛЗАЙЛОВ** — сложный прибор для ловли солнечных зайчиков с целью концентрирования их энергии и использования ее на всякие благие цели. То **ИЗМНАСТРОСТ** — хитрый агрегат для измерения чьего-либо настроения на расстоянии. Пантелей уверял, что это крайне необходимый для жизни аппарат, позволяющий издали узнавать настроение как их классной руководительницы Тамары Сергеевны, так, например, той же Люды Пёрышкиной.

— А зная настроение, можно уже выбрать соответствующую стратегию поведения, — объяснял Пантелей Лёхе, который все никак не мог понять смысла этих пантелеевских усилий.

— Но ведь у Пёрышкиной всегда отличное настроение, — удивлялся Лёха.

Пантелей, увлеченный изобретательством, только отмахивался. Тем более что дома это его новое увлечение всячески поощряли. Ведь Пантелею пришлось углубиться и в химию, и в физику, и в радиотехнику. И можно было не сомневаться — впервые за долгие годы по всем точным дисциплинам у него теперь появятся отличные оценки.

Что касается Лёхи, то у него летом проявилась совсем другая страсть. Лёха «заболел» поэзией. Помимо того что он стал с увлечением читать стихи Пушкина, Лермонтова, Блока и других великих поэтов, он и сам начал сочинять стихи. Пусть они пока были несовершенны, но Лёха не отчаивался. Он вкладывал всю душу в свои произведения и верил, что в конечном счете они произведут столь сильное впечатление на Пёрышкину, что она ответит ему взаимностью. Потому что, конечно же, большую часть стихов он посвящал именно ей. Хотя, впрочем, не обходил и другие темы.

— Если у тебя есть поэтический дар, — объяснял он Пантелею, — то ты можешь написать о чем угодно.

— Вот как? — скептически шурился Пантелей. — Ну, допустим. А про змею, например, можешь?

— Про змею... — задумывался Лёха. — Могу, конечно. Дай мне полчасика.

И через полчаса возвращался с новым стихотворением.

— Вот слушай!

И Лёха, встав в правильную позу, скопированную с известной картины «Пушкин читает стихи Державину в Царскосельском лицее», провозглашал:

— Про змею!

После чего вдохновенно декламировал:

*Змею мы рады погубить,
Боишься змей,
А ты сумеешь ее любить,
Ласкать сумеешь.
Как много грации в змее
И красоты!
Живете рядом на земле —
Она и ты.*

— Круто! — поневоле соглашался Пантелей. — Ну ты, Лёха, даешь! Только, если честно, мне совершенно неохота ласкать змею. Я, пожалуй, пойду поизобретаю кое-что. Появились кое-какие мыслишки.

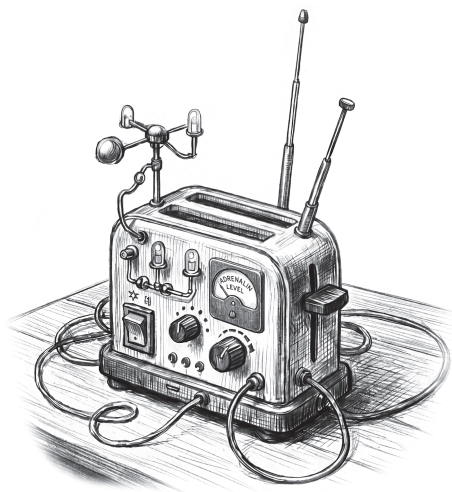
— Понимаю, — вздыхал Лёха вслед другу.

Владимир Алеников

Короче, повзрослели наши друзья за лето. Но ни тот ни другой пока даже не подозревали о том, что их ждет в школе после каникул и как им пригодятся новые увлечения.

Глава 2

Адреналометр и пирожок с вишней

Утро пахло тополиным пухом, свежескошенной травой и какой-то безвозвратностью. Дело, возможно, было в том, что летняя вольница закончилась, хотя ни Лёха, ни Пантелей этого еще не почувствовали.

Лёха мчался сквозь позолоченные солнцем дворы, как метеор по неверно рассчитанной орбите. В одной руке у него был зажат недоеденный бутерброд с колбасой, в другой трепыхалась, как испуганная птица, книжка Александра Блока, раскрытая на стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека...», которое Лёха безуспешно пытался дочитать на бегу.

Главной же его проблемой был галстук, в котором Лёха решил для солидности прийти в школу 1 сентября. Но завязать его красиво у него никак не получалось, хотя он потратил дома на эти попытки не меньше получаса, после чего понял, что опаздывает. Теперь Лёха пытался завязать галстук на бегу, что привело к образованию на шее не то морского узла, не то галстука-удавки. Он уже представлял себе заголовок в газете: *«Подросток найден во дворе. Причина смерти — собственный галстук и поэзия»*.

— Лёха-а-а! — раздался с угла знакомый голос.

Голос, в котором научный фанатизм боролся с дружеской иронией.

— Ты не просто опаздываешь, ты нарушаешь *пространственно-временной континуум* на глазах изумленной публики! И, мне кажется, совершаешь насилие над предметом своего гардероба!

Пантелей стоял возле покосившегося гаража, облокотившись на свой величественный велосипед «Феникс» — конструкцию из трех разных рам, руля от мотоцикла «Урал» и *«антигравитационного седла»* собственного изобретения, которое на деле подпрыгивало на каждой кочке, создавая эффект езды на кенгуру. В руках он держал маленький странный прибор из спаянных проводов и светодиодов, похожий на помесь крохотной метеорологической станции, рации и тостера.

— Привет! — сказал запыхавшийся Лёха и захлопнул книжку, отложив чтение Блока на потом. — Ну да! Опаздываем!

— Мы уже опоздали, — спокойно констатировал Пантелей. — Но это неважно. Важно вот что — посмотри.

И он ткнул пальцем в экранчик прибора, где стрелка дрожала где-то в красной зоне.

— Это чего это у тебя? — заинтересовался Лёха. — Что-то новенькое?

— Именно! — гордо ответил Пантелей. — Новенькое. Моя собственная разработка. Думаешь, это спидометр?

Лёха неуверенно пожал плечами.

— Похоже...

— Ничего подобного. Это — **АДРЕНАЛО-МЕТР**.

— Чего? — поразился Лёха. — Адре... что?

— АДРЕНАЛОМЕТР, — скромно повторил Пантелей.

— И чего он может?

— Он все может. Правда, Шутов?

Тут обнаружился стоявший в тени старой развесистой липы Федя Шутов, их одноклассник, которого Лёха сразу не заметил. Выяснилось, что Шутов за лето не особо подрос, и так, видимо, и останется, как и раньше, самым маленьким в классе.

— Ну да, — сказал, поправляя очки, Шутов. — Мы проверяли. Хорошо работает.

— А что он делает-то? — по-прежнему не понимал Лёха.

— Измеряет *уровень предвкушения, паники и общей жизненной суеты*, — снисходительно пояснил Пантелей и навел прибор на Лёху. — Вот мы сейчас и проверим.

Лёха напрягся.

— Можешь расслабиться, — сказал Пантелей. — Ты, Лёха, находишься почти на потолке!

— В смысле? — удивился Лёха.

— В самом прямом смысле. Адреналометр показывает семьдесят восемь процентов паники, пятнадцать — надежды, пять — голода и два процента чистой, неразбавленной поэтической рассеянности. Твой организм испытывает перегрузки, сравнимые со стартом ракеты! Подтверди, Шутов!

Шутов с важностью профессора, обнаружившего новый вид плесени, уставился на мигающие лампы.

— Он прав, Лёха! Ты на грани коллапса!

Лёха улыбнулся. Он всегда восхищался способностью своего друга измерять неизмеримое. В мире Пантелея все можно было разложить на схемы, спаять и заставить мигать лампочкой. В мире Лёхи все складывалось в образы, рифмы и, как ему казалось, прекрасные мысли о неприступной Люде Пёрышкиной.